

ПАВЕЛ
ЛИМОНОВ

ПРЕДАТЕЛЬСТВО
СТАЛО НАЧАЛОМ
МОЕЙ
СВОБОДЫ

ИЗМЕНА ДРАКОНА.

Я БОЛЬШЕ НЕ ТВОЯ
НЕНУЖНАЯ ЖЕНА

Павел Лимонов

Измена дракона. Я больше не твоя ненужная жена

<https://litres.ru/74413837>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я вернулась домой раньше и застала мужа-дракона с моей бывшей ученицей. Но хуже измены было другое: он уже доверил ей подготовку своего Ночного Сброса — самого опасного сна в жизни дракона.

Утром я подала на развод, вернула фамилию Роэн и решила начать всё заново.

Только прошлое не отпустило.

Мои закрытые записи украли. Новый препарат способен менять путь внутри памяти. Драконы просыпаются, забывая детей, любовь, вину и собственные решения. А следующим объектом эксперимента должен стать Варрен Сольт — чёрный дракон и глава Палаты происшествий.

Он не просит меня спасти его.

Он просит выяснить, кто уже проник в его сон без разрешения.

Но чем ближе мы подбираемся к правде, тем страшнее становится вопрос:

если чужую память можно переписать, как понять, какие чувства всё ещё принадлежат тебе?

Содержание

ПРОЛОГ. Комната для сна	5
ГЛАВА 1. Фамилия, которую она оставила	33
ГЛАВА 2. Человек, который не хочет засыпать	74
ГЛАВА 3. Память не лжёт, лжёт карта	115
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Павел Лимонов

Измена дракона. Я больше не твоя ненужная жена

ПРОЛОГ. Комната для сна

Я должна была вернуться после полуночи.

Эйдар знал это: утром он сам спросил, задержусь ли я у госпожи Терн до конца подготовки. Я ответила, что, скорее всего, да. Её Сброс ожидался через шесть дней, а после смерти прежнего проводника семья решила почти полностью перестроить карту. Работа требовала времени. Мне предстояло проверить десятки старых якорей, отсеять те, что могли вызвать ложные переходы, и лишь затем выстроить новую последовательность.

Но госпожа Терн устала раньше, чем я рассчитывала.

В десять вечера врач велел ей остановиться. Сама она — семидесятидвухлетняя женщина, способная одним взглядом заставить замолчать половину Совета, — приказала мне хотя бы в её доме не спорить с врачом.

Я уехала.

По дороге думала, что Эйдар обрадуется.

Последние дни он был раздражителен. До его Ночного

Сброса оставалось четверо суток. Эйдар хуже спал, иногда посреди разговора замолкал и прислушивался, хотя вокруг было тихо. Вчера ночью он долго стоял у окна спальни, глядя в тёмное небо. Так проявлялось беспокойство дракона перед Сбросом.

Я не спрашивала, что именно он чувствует.

За два года брака я научилась не превращать каждый его страх в профессиональный вопрос.

Когда-то поступала иначе.

Мне казалось, что любовь — это знать, где у человека заканчивается память и начинается инстинкт.

Теперь я знала цену такой самоуверенности.

Карета остановилась у дома раньше одиннадцати.

Я отпустила кучера и не стала вызывать привратника. Ключ лежал в сумке, вечер был тёплым, а после нескольких часов в душной комнате госпожи Терн мне хотелось пройти последние двадцать шагов пешком.

Наш дом стоял на тихой улице Верхнего Круга, где после десяти почти не ездили экипажи. За оградами темнели сады, в окнах соседних особняков горел редкий свет. На крыльце у Керров светились две магические лампы.

Обычно третья горела в холле.

Сегодня там было темно.

Я открыла дверь и сразу заметила нарушение привычного порядка. Никакого дурного предчувствия — только тёмный холл и непривычная тишина.

Эйдар терпеть не мог тишину перед Сбросом. За несколько дней до него всегда просил оставлять музыку в гостиной, даже если сам уходил наверх. Говорил, что человеческие звуки помогают ему помнить, где он находится.

Сегодня музыкальный кристалл молчал.

Я сняла перчатки.

— Эйдар?

Ответа не последовало.

Слуги, вероятно, уже ушли в нижнее крыло. Штат у нас был небольшим, и после свадьбы я настояла, чтобы никто не дежурил у спальни только потому, что так было принято в доме его родителей.

Я положила сумку на стол.

На втором этаже горел свет.

Сначала я увидела полоску света у порога нашей спальни. Эйдар, вероятно, был там.

Но спальня оказалась пустой.

На кресле лежал его жилет. На прикроватном столике стоял недопитый стакан воды. Постель оставалась нетронутой.

Я уже собиралась позвать его снова, когда заметила другую полоску света — дальше по коридору, под дверью комнаты для сна.

Я остановилась.

За четыре дня до Ночного Сброса комната должна была оставаться закрытой.

Это было не суеверие.

Подготовительное пространство создавали как нейтральную зону, где дракон постепенно отделял повседневные впечатления от будущей карты. Никаких случайных запахов. Никаких гостей. Никакой еды. Никаких вещей, способных неожиданно закрепиться в памяти.

Входить туда могли только дракон, врач и выбранный проводник.

Поэтому ключей было три.

Один принадлежал Эйдару.

Второй хранился у врача.

Третий два года лежал в моем рабочем сейфе и больше не использовался.

После свадьбы я отказалась быть проводником мужа.

Не потому, что не могла.

Потому что однажды уже стала для него слишком важной частью карты.

Мы оба это знали.

До свадьбы мы обсуждали это не раз. Я заставила Эйдара трижды повторить, что следующий Сброс он пройдет с другим специалистом.

Он смеялся, обнимал меня и говорил, что я могу выбрать ему самого скучного старика столицы, если это успокоит мою профессиональную совесть.

Но нового проводника так и не представил.

На мои вопросы отвечал, что ещё выбирает.

Я смотрела на свет под дверью.

И впервые подумала: он уже выбрал.

Ручка поддалась сразу.

Дверь не была заперта.

Из комнаты донесся женский смех — негромкий, почти беззаботный.

Я знала этот смех.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы признать очевидное. Разум иногда удивительно медлит, когда дело касается собственной жизни.

Мерисса Далль.

Три года назад она сидела в моей учебной комнате у окна и записывала каждое слово, которое я говорила о ложных якорях.

Через год спорила со мной на экзамене о допустимой глупине телесной памяти.

Ещё через год получила собственную лицензию.

Она была способной проводницей и слишком уверенной в том, что правила существуют лишь для тех, кто не умеет ими пользоваться.

Я открыла дверь.

Мерисса первой меня заметила.

Её лицо изменилось мгновенно.

Не от стыда.

От испуга.

Этого оказалось достаточно.

Эйдар сидел на низкой кушетке у стены. Рубашки на нём

не было, брюки застегнуты не полностью. Темные волосы растрепались, на шее виднелись красные следы.

Мерисса стояла между его коленями.

Её платье лежало на полу. На ней оставалась нижняя сорочка, спущенная с одного плеча.

Мне не требовалось признание. Я слишком хорошо знала человеческое тело, чтобы не понять, что произошло здесь несколько минут назад.

Но смотрела я не на это.

На груди Эйдара, чуть ниже ключицы, темнела тонкая линия.

Первая метка карты.

Я подошла ближе.

Мерисса дёрнулась, будто собиралась прикрыть её ладонью.

— Не трогай, — сказала я.

Она замерла.

Мой голос прозвучал спокойно. Это удивило даже меня.

Я наклонилась.

Метка была свежей: серебряная паста ещё не успела полностью впитаться в кожу. Через центр проходил тонкий разрыв, на концах стояли два коротких штриха.

Опорный знак запаха.

Мерисса начала с обонятельной памяти.

Я выпрямилась.

— Когда ты её поставила?

— Сайла...

— Я спросила, когда.

Она посмотрела на Эйдара.

И это движение причинило мне больше боли, чем её обнаженное плечо.

Она спрашивала у моего мужа разрешения отвечать мне.

Эйдар поднялся.

— Двадцать минут назад.

Я перевела взгляд на него.

— Ты уже начал карту.

— Только подготовку.

— Это карта.

— Сайла, давай не будем сейчас спорить о терминах.

Я рассмеялась. Один короткий звук вырвался прежде, чем я успела его остановить.

— О терминах?

— Ты понимаешь, что я имею в виду.

— Нет. Объясни.

Мерисса подняла платье с пола.

Я не смотрела на неё.

Эйдар застегнул брюки.

Ещё вчера я знала каждое движение его рук. Знала, что он первым надевает левую запонку, что после тяжёлого дня растирает большим пальцем сустав указательного пальца, что терпеть не может спать в носках, даже если в комнате холодно.

Два года и три месяца нашей жизни никуда не исчезли только потому, что я вошла в эту комнату.

В этом и заключалась мерзость случившегося.

Предательство не уничтожало прошлое.

Оно оставляло его на месте, меняя смысл вещей, которые ещё утром казались понятными.

— Я собирался сказать тебе, — произнёс Эйдар.

— Когда?

Он потер переносицу.

— Завтра.

— О Мериссе или о карте?

Молчание оказалось ответом.

Я повернулась к ней.

— Как давно?

Мерисса прижала платье к груди.

— Это ваш разговор.

— С ним я поговорю позже. Сейчас я спрашиваю тебя.

Она подняла подбородок.

Я помнила этот жест. Так она стояла перед комиссией, когда один из экзаменаторов пытался поймать её на ошибке.

— Почти два месяца.

Я похолодела, но боль пришла позже. Сначала осталось только ясное понимание: это продолжалось два месяца.

Я вспомнила поездку Эйдара в Карстен, три поздних заседания, ужин, на который он не смог прийти, и утро, когда заметила на его рубашке чужой запах, но решила, что он

принадлежал кому-то из гостей.

Я не была доверчивой душой.

Просто не проверяла мужа так, как проверяла клиента.

Намеренно.

Мне хотелось хотя бы в одной части жизни не искать скрытые связи между запахом, словом и изменившимся пульсом.

— Два месяца, — повторила я.

Эйдар шагнул ко мне.

— Я не хотел, чтобы ты увидела нас здесь.

— Как именно ты хотел, чтобы я вас увидела?

Он нахмурился.

— Ты понимаешь.

— Сегодня я многое понимала неправильно. Поэтому придётся говорить точнее.

Его лицо стало жестче.

Это выражение я тоже знала.

Эйдар любил разговоры, пока мог ими управлять. Когда переставал понимать, куда они ведут, начинал злиться.

— Я не собирался, чтобы ты застала нас.

— Это уже точнее.

Мерисса закрыла глаза.

— Сайла...

— Оденься.

Она посмотрела на меня.

— Что?

— Мне всё равно, что ты делаешь со своим телом. Но это подготовительная комната. Твоя кожа, духи и волосы уже оставили достаточно случайных сигналов. Оденься.

Её щеки покраснели.

Не от стыда за Эйдара.

От того, что я разговаривала с ней как с проводником, допустившим профессиональную ошибку.

— Я знаю, как составлять карту.

— Тогда тем более странно, что ты занимаешься сексом с клиентом в помещении для подготовки к Сбросу.

Эйдар резко сказал:

— Хватит.

Я повернула к нему голову.

— Нет.

Одно слово прозвучало тихо. Он будто не ожидал его.

— Не тебе решать, когда мне хватит.

Эйдар сделал вдох.

На секунду в его глазах проступило золото.

Дракон был близко. Четверо суток до Сброса — слишком мало для сильных эмоциональных всплесков.

Моя профессиональная часть отметила это автоматически.

Пульс ускорен.

Зрачки нестабильны.

Руки напряжены.

Нужно снизить нагрузку.

И почти сразу я возненавидела себя за эту мысль.

Даже сейчас я смотрела на мужа и оценивала риск его Сброса.

Мерисса уже натягивала платье.

Я снова посмотрела на метку.

— Кто утвердил карту?

— Я, — ответила она.

— У тебя нет права утверждать карту клиента за четыре дня до Сброса без врача.

— Врач увидит её завтра.

— После того как первая метка уже поставлена?

— Мы ещё можем изменить последовательность.

— Ты начала с запаха.

Она замолчала.

— Почему?

— Это подходит Эйдару.

— Я спрашиваю не об этом.

Я подошла ближе.

— Почему первая опора обонятельная, если в его предыдущем Сбросе запах был самым нестабильным каналом?

Мерисса побледнела.

Эйдар посмотрел на неё.

— О чем она говорит?

Теперь я впервые по-настоящему испугалась за него, а не за наш брак.

— Ты не сказала ему?

Мерисса выпрямилась.

— Его предыдущая карта была составлена в других условиях.

— На второй день у него распадалось обонятельное узнавание.

— Я знаю.

— Тогда почему начала с запаха?

— Потому что его реакция изменилась.

— На основании чего?

Мерисса ничего не ответила.

Я посмотрела на Эйдара.

Он уже не казался раздраженным.

— Сайла.

— Что?

— Это опасно?

Мерисса вмешалась:

— Нет.

Я повернулась к ней.

— Замолчи.

Мерисса послушалась.

— Сайла, — повторил Эйдар.

Я заставила себя смотреть только на метку.

Не на следы губ Мериссы на его шее.

Не на смятую кушетку.

Не на её босые ноги.

Только на работу.

— Сама метка не опасна. Если снять её до полуночи и сегодня больше ничего не ставить.

— Снять?

Мерисса шагнула вперёд.

— В этом нет необходимости.

— Есть.

— Ты просто пытаешься вмешаться.

Я впервые посмотрела ей прямо в глаза.

— Если бы я пыталась вмешаться в ваш роман, мы говорили бы совсем о другом. Сейчас я пытаюсь не допустить, чтобы мой бывший клиент потерял человеческое сознание из-за твоего желания доказать, что ты знаешь его лучше меня.

— Он не твой клиент.

— Именно.

Эйдар едва заметно вздрогнул.

Я подошла к шкафу.

Инструменты лежали не так, как я оставила их два года назад.

Конечно.

Теперь это была не моя комната.

Я нашла раствор для снятия меток, проверила срок годности и поставила флакон на стол.

— Сотри её.

Мерисса не двигалась.

— Я не буду уничтожать правильно установленную опору

только потому, что ты ревнуешь.

Я сняла крышку с флакона.

— Тогда объясни ему риск.

— Я уже все объяснила.

— Нет. Скажи сейчас, при нём, что произойдет, если запах, выбранный первой опорой, исчезнет во время второго слоя лабиринта.

Она сжала губы.

Эйдар посмотрел на неё.

— Мерисса?

— Это маловероятно.

— Что произойдет?

— Может возникнуть ложный выход.

Он повернулся ко мне.

— Насколько это плохо?

— Ты пойдешь за сигналом, которого больше нет. Если карта не даст вторую опору достаточно быстро, можешь потерять маршрут.

— Насколько плохо, Сайла?

Я ответила:

— Достаточно, чтобы не вернуться.

Его лицо изменилось.

Мерисса вскинула руки.

— Это крайний, теоретический вариант.

— Все смерти во время Сброса сначала были теоретическими, — сказала я.

Эйдар сел на край кушетки.

Несколько секунд молчал.

Потом взял флакон.

— Снимай.

Мерисса посмотрела на него так, будто он её ударил.

— Эйдар.

— Снимай метку.

Она подошла.

Я отвернулась.

Не потому, что не хотела видеть их рядом.

Потому что больше не хотела участвовать.

Я подошла к окну.

За стеклом темнел сад.

В отражении я всё равно видела комнату.

Мерисса осторожно стирала серебряную линию с его груди.

Эйдар сидел неподвижно.

Его рука лежала на её бедре.

Прикосновение выглядело естественным, почти привычным. Два месяца не прошли для них бесследно.

Я закрыла глаза.

Боль пришла резко и без всякого красивого надлома. Дыхание сбилось; я медленно вдохнула, потом ещё раз.

Мне тридцать один год.

Я проводила драконов через воспоминания о смерти детей, пожарах, войнах, собственных убийствах.

Я знала: сознание способно пережить гораздо худшее, чем неверность мужа.

Но знание не уменьшало боль, когда худшее происходило с тобой.

— Готово, — сказала Мерисса.

Я повернулась.

На груди Эйдара осталось только розовое пятно.

— Сегодня больше ничего не ставь.

Мерисса промолчала.

— Завтра карту должен осмотреть независимый врач.

— Я сама решу, что делать со своим клиентом.

— Решай.

Я взяла сумку, которую принесла наверх.

Эйдар поднялся.

— Куда ты идешь?

Я посмотрела на него.

Вопрос был настолько нелепым, что несколько секунд я не могла подобрать ответ.

— Не знаю.

— Сейчас поздно.

— Я заметила.

— Сайла, нам надо поговорить.

— Ты занят.

— Перестань.

В его голосе появилась знакомая властная нота, которая раньше иногда даже нравилась мне.

Сейчас она вызвала только усталость.

— Мерисса, оставь нас.

Она посмотрела на Эйдара. Он без слов отпустил её.

Я почти улыбнулась.

Даже теперь разрешение исходило от него.

Мерисса быстро застегнула платье. У двери остановилась.

— Я не собиралась причинять тебе боль.

Я ответила:

— Тогда у тебя очень странный способ принимать решения.

Она ушла.

Дверь закрылась.

Мы остались вдвоем.

Когда-то эта комната была местом, где Эйдар едва не умер.

Я помнила его лежащим на полу во время первого Сброса. Помнила кровь из носа, сорванный голос. Помнила, как он перестал реагировать на имя и начал возвращаться только на звук моего дыхания.

Это была моя ошибка.

Я должна была остановить карту, позвать второго проводника, перестроить опоры.

Но тогда я была моложе, слишком уверена в себе и слишком боялась потерять клиента.

Я позволила своему присутствию стать центром маршрута.

Эйдар вышел.

Через несколько месяцев начал ухаживать за мной.

Мне следовало отказаться.

Я не отказалась.

Потому что он был красив, умен, жив.

Потому что рядом с ним я чувствовала себя женщиной, а не специалистом, который постоянно наблюдает за чужим сознанием.

Потому что влюбилась.

По крайней мере, тогда я называла это так.

Эйдар провёл ладонью по волосам.

— Я не хотел лгать тебе.

— Но лгал.

— Да.

Я ждала.

Он ничего не добавил.

— Два месяца?

— Примерно.

— Примерно?

— Я не записывал даты.

После этого ответа я перестала ждать от него раскаяния.

— Конечно.

— Сайла, я не пытаюсь сделать тебе больнее.

— У тебя просто природный талант.

Он резко выдохнул.

— Вот поэтому с тобой невозможно разговаривать, когда

ты такая.

— Какая?

— Холодная.

Я смотрела на него.

— Ты стоишь перед женой через пять минут после того, как она застала тебя с любовницей, и жалуешься, что ей не хватает тепла?

— Я говорю, что мы давно отдалились.

Так появилась знакомая формула, придуманная задолго до нашего брака и наверняка способная пережить нас обоих.

Изменял один.

Отдалились двое.

— Когда?

— Что?

— Когда мы отдалились?

Он отвернулся.

— Это не случилось за один день.

— Значит, сможешь вспомнить хотя бы месяц.

— Сайла.

— Ты был со мной в Лестене весной. Мы две недели спали в одной постели. Ты говорил, что скучал по мне, пока я работала в Карсте. В начале лета предложил переделать северную спальню, потому что хотел детей в ближайшие несколько лет. В прошлом месяце мы выбирали дом у моря на осень. Где именно мы были отдалены?

Он молчал.

— Или ты решил, что мы отдалились после того, как начал спать с Мериссой?

— Дело не только в сексе.

Пальцы сильнее сжали ручку сумки.

— Конечно.

— Не надо.

— Что именно?

— Делать вид, будто ты ничего не понимаешь.

— Сегодня я слышу это уже второй раз.

Эйдар подошёл ближе.

— С Мериссой мне проще.

Эта фраза наконец прозвучала честно.

— Хорошо.

— Она не смотрит на меня как на набор рисков.

— Я тоже не смотрела.

— Смотрела.

— Когда?

— Постоянно.

— Тогда почему ты женился на мне?

Он открыл рот и не сразу ответил.

— Потому что любил тебя.

— Любил?

— Люблю.

Я снова рассмеялась, на этот раз тихо.

— Не произноси это сейчас.

— Почему? Потому что тебе удобнее решить, что всё бы-

ло ложью?

Я вздрогнула.

Слишком точное попадание.

Эйдар заметил.

— Вот. Видишь? Ты уже переписываешь наше прошлое.

— Нет. Я пытаюсь понять настоящее.

— Настоящее в том, что я совершил ошибку.

— Два месяца подряд?

Он сжал челюсти.

— Хорошо. Не ошибку. Выбор.

— Спасибо.

— Я не хотел, чтобы всё закончилось.

— А что именно ты планировал?

— Не знаю.

— Продолжать спать с нами обеими, пока не появится удобное решение?

— Не говори так.

— Почему?

— Потому что это звучит грязно.

Я посмотрела на смятую кушетку.

— Эйдар, грязным это сделал не мой выбор слов.

Он отвернулся.

Несколько мгновений мы молчали.

Потом он сказал:

— Я хотел, чтобы Мерисса провела мой Сброс.

— Я уже поняла.

— Ты сама отказалась.

После этих слов я перестала искать способ сохранить наш брак.

До этой секунды я была женщиной, заставшей мужа с другой.

Было больно.

Унизительно.

Отвратительно.

Но где-то внутри ещё жила привычная мысль: мы прожили два года вместе, значит, сейчас поговорим, а потом решим, можно ли что-то спасти.

После его слов вопрос исчез.

— Что ты сказал?

Эйдар посмотрел на меня.

— Ты отказалась быть моим проводником.

— Потому что я твоя жена.

— Именно.

— Нет. Не именно. Я отказалась, потому что однажды уже стала центром твоей карты. Продолжать после свадьбы было бы опасно.

— Для кого?

Я не сразу поняла вопрос.

— Для тебя.

— Вот видишь.

— Что я вижу?

Он провёл рукой по груди, где ещё оставалось красное

пятно от снятой метки.

— Ты всегда решаешь, что для меня правильно.

— В профессиональной работе? Да. Это называется ответственностью.

— А я не хотел быть твоей работой.

— Ты перестал ею быть два года назад.

— Нет, Сайла. Ты просто перестала входить со мной туда, где была мне нужна.

Я стояла неподвижно.

Он продолжил, все сильнее раздражаясь:

— Мерисса хотя бы понимает эту часть меня. Она не боится моего дракона. Не ставит между нами правила каждый раз, когда становится сложно.

— Она едва не поставила тебе опасную первую опору.

— Потому что ещё учится мне доверять.

— Она проводник. Не ты должен учить её доверять.

— Опять.

— Что?

— Ты опять говоришь о работе.

— Мы стоим в комнате подготовки к Сбросу рядом с твоей любовницей-проводником. О чем ты предлагаешь говорить?

Он ударил ладонью по спинке кресла.

Не сильно.

Но золото снова вспыхнуло в его глазах.

— О нас!

Я посмотрела на него.

— Хорошо. Давай о нас.

Он тяжело дышал.

— Мне нужна женщина, которая может быть рядом со мной и здесь, и там.

Я больше не искала возражений. Эйдар этого не заметил.

— Мне надоело чувствовать, что половина меня для тебя — профессиональная проблема. Ты сама отказалась входить в мой сон. Сама поставила эту стену. Мерисса не ставит. Она принимает меня целиком.

— И поэтому ты спишь с ней?

— Не своди все к этому.

— Я ничего не свожу. Я слушаю.

— Тогда слушай. Мне нужна жена, которая может быть рядом со мной и там. Ты сама решила, что больше не будешь входить в мой сон. Какой тогда вообще смысл в такой жене?

За окном проехала карета, внизу хлопнула дверь. Обычные звуки ясно дали понять: мир вокруг не изменился, хотя мой брак закончился одной фразой.

Я смотрела на мужчину, которого любила.

Наверное, именно в тот момент впервые увидела не измену, не Мериссу и не два месяца лжи.

Я увидела конструкцию, на которой держался наш брак.

Эйдар не считал меня бесполезной.

Это было бы проще.

Он считал меня полезной определенным образом.

Пока я давала ему то, чего не могли дать другие.

Пока оставалась женщиной, которая однажды вошла в его самый страшный лабиринт и вывела его наружу.

Женой я, видимо, должна была продолжать делать то же самое.

Принимать.

Спасать.

Понимать.

Быть рядом там, куда никого другого не пускали.

А когда я поставила границу, он нашёл женщину, согласившуюся её не ставить.

Я медленно кивнула.

— Ты прав.

Эйдар нахмурился.

Он явно ожидал другого.

— Что?

— Смысла нет.

— Сайла...

— Никакого.

Я сняла обручальное кольцо.

На внутренней стороне была выгравирована дата нашей свадьбы.

Я никогда прежде его не снимала. Даже во время работы над картами закрывала кольцо защитной лентой, чтобы металл не взаимодействовал с метками.

Теперь положила его на стол рядом с раствором для сня-

тия опор.

Эйдар посмотрел на кольцо.

— Не делай глупостей.

Я почти удивилась.

— Ты серьёзно?

— Ты сейчас злишься.

— Да.

— И поэтому хочешь разрушить все за одну ночь.

— Нет.

Я поправила ремень сумки на плече.

— Ты разрушал это два месяца. Я только что узнала.

Он шагнул передо мной.

— Ты никуда не пойдешь в таком состоянии.

Я посмотрела на его руку, которую он поднял, словно хотел меня остановить.

— Убери.

Эйдар замер.

Потом медленно опустил руку.

— Куда ты поедешь?

— Не твоя забота.

— Ты моя жена.

Я посмотрела на кольцо между нами.

— До утра.

Его лицо побледнело.

— Что это значит?

— Завтра я подам прошение о расторжении брака.

Он несколько секунд просто смотрел на меня.

Потом рассмеялся.

Не потому, что ему было весело.

Потому что не поверил.

— Ты не разведешься со мной из-за этого.

— Почему?

— Потому что мы взрослые люди.

— Удивительный аргумент.

— Потому что у нас есть жизнь. Дом. Обязательства. Люди совершают ошибки.

— Ты сам назвал это выбором.

— Хорошо. Выбор. Плохой выбор. Но это не значит, что нужно уничтожать брак.

Я взялась за дверную ручку.

— Наш брак не выдержал даже одного твоего Ночного Сброса без того, чтобы ты решил заменить жену женщиной, согласной быть твоим профессиональным костылем. Думаю, он уже достаточно разрушен.

— Сайла.

Я открыла дверь.

— И ещё одно.

Он посмотрел на меня.

— Не ставь новую метку до осмотра врача. Даже если Мерисса будет уверять, что первая была безопасной.

— Сейчас это действительно то, о чем ты думаешь?

Я задержалась на пороге.

— Нет. Но я всё ещё не хочу, чтобы ты умер.
Он растерялся — впервые за весь разговор.
Возможно, именно это раньше заставило бы меня остаться.
ся.

Сесть.

Говорить до утра.

Искать объяснение, которое сделало бы случившееся менее окончательным.

Я вышла.

Он не пошёл за мной.

Внизу я взяла плащ.

На улице стало прохладнее.

Кареты у дома уже не было, поэтому пришлось идти до ближайшей площади пешком.

Я не знала, где проведу ночь.

Не знала, что скажу утром адвокату.

Не знала, сколько клиентов останется у Сайлы Роэн, когда она перестанет быть госпожой Керр.

Знала только одно.

Через четыре дня Эйдар должен был войти в Ночной Сброс с другой женщиной.

А завтра утром я собиралась выйти из его жизни раньше него.

ГЛАВА 1. Фамилия, которую она оставила

Первую ночь после ухода от мужа я провела на диване в собственной мастерской.

Это звучало лучше, чем выглядело.

Диван простоял под полотняным чехлом два года и пах пылью. В приёмной было холодно, водяной контур давно перекрыли, а единственная магическая лампа, которую мне удалось зажечь, каждые несколько минут начинала мигать. В шкафу нашлись три чистые чашки, засохшая банка чая и бутылка воды, оставленная, судя по слою пыли, ещё до моей свадьбы.

Зато ключ подошёл.

Когда около часа ночи я добралась до улицы Фаррен и поднялась на второй этаж старого дома, больше всего боялась именно этого.

Что вставлю ключ, поверну, а дверь не откроется.

Что за два года моё прежнее место успели кому-нибудь передать.

Что Эйдар однажды, между завтраком и очередным заседанием, решил вопрос, который считал слишком незначительным, чтобы сообщать мне.

Но замок щёлкнул.

За дверью осталась моя прежняя жизнь.

Небольшая приёмная, две рабочие комнаты, кабинет, помещение для подготовки карт и узкая спальня, которую я когда-то устроила для тех случаев, когда Сброс клиента затягивался на вторые сутки.

Я прошла по тёмным комнатам, зажигая лампы одну за другой.

Комнаты сохранились такими, какими я их оставила. Изменилась только я.

На стене кабинета висела моя старая лицензия.

Сайла Роэн.

Без Керр.

Я долго смотрела на фамилию.

Два года назад мне казалось естественным заменить её.

Даже приятным.

Я помнила день, когда получила новые документы и впервые увидела на лицензии имя Сайла Керр. Эйдар тогда обнял меня со спины, заглянул через плечо и сказал:

— Теперь все будут знать, кому досталась лучшая проводница столицы.

Я рассмеялась.

Мне показалось, это любовь.

Ночью, стоя в холодном кабинете, я впервые услышала в тех словах другое.

Кому досталась.

Я сняла со стены лицензию.

Стекло покрылось пылью, рама рассохлась у нижнего угла.

Под ней сохранился старый регистрационный лист.

Сайла Роэн.

Проводник сна первой категории.

Право на самостоятельное составление карт.

Право на проведение Ночного Сброса второй и третьей степени риска.

Допуск к драконам старше двадцати одного года.

Я провела пальцем по своей фамилии.

Она никуда не исчезала.

Просто два года лежала под чужой.

Спать я легла около трёх.

Проснулась через час.

Потом ещё через сорок минут.

Под утро перестала пытаться.

Я лежала, глядя в тёмный потолок, и вспоминала комнату для сна.

Руку Эйдара на бедре Мериссы.

Её слова о двух месяцах.

Его раздражение.

Смешнее всего было то, что измена сама по себе почему-то казалась самой простой частью случившегося.

Он хотел другую женщину.

Такое происходило.

От этого было больно, но это хотя бы можно было понять.

Гораздо хуже мне давалась другая мысль.

Эйдар действительно не видел ничего страшного в том, чтобы связать любовницу со своим следующим Сбросом.

Он не считал профессиональную границу, которую я поставила после свадьбы, попыткой защитить его.

Для него она была отказом.

Недостатком.

Чем-то, что другая женщина согласилась исправить.

К рассвету я устала думать настолько, что встала.

В маленькой ванной ещё работала холодная вода. Я умылась, собрала волосы, отряхнула платье, в котором ушла из дома, и обнаружила на рукаве серебряное пятнышко от раствора для снятия меток.

Пришлось его оставить.

В девять открывалась Палата гражданских союзов.

В восемь двадцать я уже стояла у её дверей.

На площади пахло свежим хлебом из соседней пекарни. Курьеры разгружали ящики у аптечной лавки. Два чиновника спорили возле лестницы о каком-то постановлении.

Город не заметил, что ночью закончился мой брак.

Меня это неожиданно успокоило.

Когда двери открылись, я вошла первой.

Молодой регистратор за стойкой поднял глаза.

— Доброе утро. По какому вопросу?

— Расторжение брака.

Он достал бланк.

— По взаимному согласию?

— Пока по моему заявлению.

— Есть несовершеннолетние дети?

— Нет.

— Спор о собственности?

— С моей стороны нет.

Он посмотрел внимательнее.

— Фамилия супруга?

— Керр.

Перо остановилось.

— Эйдар Керр?

Я молча посмотрела на него.

Регистратор кашлянул.

— Простите. Имя заявителя?

— Сайла Керр. После расторжения — Роэн.

Теперь он узнал и меня.

Я увидела это по лицу.

Столица была большой ровно до тех пор, пока речь не заходила о чужом браке.

— Причина расторжения?

— Супружеская неверность.

— Признаваемая второй стороной?

— Если он решит отрицать, я назову свидетеля.

— Кто свидетель?

Я подумала о Мериссе.

— Вторая сторона неверности.

Регистратор перестал задавать лишние вопросы.

Мне выдали три листа.

На первом требовались имена, даты и адреса.

На втором перечислялось имущество.

Третий касался претензий после расторжения.

Я села за длинный стол у окна.

Дом на улице Верхнего Круга был приобретён Эйдаром до брака.

Его земельные доли — тоже.

За два года мы купили несколько вещей вместе: карету, мебель для летнего дома, коллекцию музыкальных кристаллов. По закону я могла потребовать половину стоимости.

Не захотела.

Не из гордости.

И не потому, что собиралась оставить изменившего мужа без последней рубашки исключительно силой своего нравственного превосходства.

Мне просто хотелось закончить быстро.

Каждая спорная чашка означала новые заседания, оценщиков, подписи и возможность Эйдару ещё несколько недель считать, что мы что-то обсуждаем.

В графе имущества, которое я оставляла за собой, написала:

«Профессиональные инструменты и личные рабочие записи, приобретённые до и во время брака за счёт собственного дохода».

Потом:

«Право аренды помещения мастерской по адресу: улица Фаррен, дом 18, второй этаж, оформленное на Сайлу Роэн до вступления в брак».

Договор аренды был заключён на двенадцать лет. Я выплатила первые четыре вперёд, когда дела шли особенно хорошо. После свадьбы помещение закрыла, но договор не расторгла.

Эйдар несколько раз предлагал избавиться от него.

Я почему-то каждый раз отказывалась.

Теперь была благодарна той версии себя, которая не смогла объяснить собственному мужу, зачем платит за пустые комнаты.

Графу «содержание после развода» я перечеркнула.

Регистратор проверил документы.

— Если супруг признает основания и имущественных разногласий нет, расторжение можно зарегистрировать сегодня.

— Вызовите его.

— Сейчас?

— Сейчас.

Он снова посмотрел на меня с любопытством, которое попытался спрятать под служебным выражением.

— Госпожа Керр, возможно, вам стоит...

— Роэн.

— Пока расторжение не зарегистрировано...

— Я знаю. Но привыкайте заранее.

Он отправил курьера.

Эйдар приехал меньше чем через час.

Я ожидала, что увижу злость.

Увидела усталость.

Он был в тёмно-сером костюме, который обычно надевал на заседания, но галстук завязал неровно. Под глазами легли тени. На груди под рубашкой не было новой метки — я заметила это сразу, хотя обещала себе не смотреть.

Даже теперь я первым делом проверила отсутствие новой метки.

Эйдар остановился напротив меня.

— Ты действительно пришла.

— Да.

— Я заезжал утром в мастерскую.

Я подняла глаза.

— Зачем?

— Искал тебя.

— Нашёл?

— Дверь была заперта.

— Значит, нет.

Он сел на стул напротив.

— Сайла, может, хватит?

Я посмотрела на регистратора.

Тот внезапно нашёл чрезвычайно важным разбор стопки бумаг в другом конце помещения.

— Чего именно должно хватить? — спросила я.

— Этого спектакля.

— Я заполняю документы о разводе. Спектакли обычно требуют зрителей и декораций получше.

Эйдар прикрыл глаза.

— Ты не спала.

— Ты тоже.

— Я разговаривал с Мериссой.

Я ничего не ответила.

— Она ушла.

— Это ваша проблема.

— Я не об этом.

— Тогда зачем рассказываешь?

Он наклонился ближе.

— Потому что хочу, чтобы ты поняла: я не собирался менять тебя на неё.

Фраза задела, но голос остался ровным.

— Какое облегчение. Значит, ты собирался оставить обеих.

— Я не это сказал.

— А вчера ты сам признал, что понятия не имел, как собирался поступить.

— Потому что всё произошло быстро.

— Два месяца.

— Не начинай снова.

Я откинулась на спинку стула.

— Эйдар, я пришла сюда не начинать. Я пришла закончить.

Он посмотрел на лежащие передо мной бумаги.

— Дай мне неделю.

— Нет.

— До моего Сброса осталось три дня.

— Я знаю.

— Тогда должна понимать, что сейчас не лучшее время.

Я почувствовала такое сильное раздражение, что оно почти вытеснило боль.

— Для чего?

— Для развода.

— А для любовницы время оказалось подходящим?

Он сжал губы.

— Это низко.

— Нет. Это хронология.

— Я говорю о состоянии моего дракона.

— И вчера я сняла опасную метку именно потому, что понимаю твоё состояние. Но твой Ночной Сброс не даёт тебе права назначать дату моего ухода.

— Я не назначаю.

— Ты только просишь меня остаться женой ещё неделю, чтобы тебе было спокойнее.

— Да. Наверное, прошу.

Это прозвучало неожиданно честно.

Я несколько секунд смотрела на него.

Когда-то мне было почти невозможно отказать Эйдару, если он говорил без привычной уверенности.

Именно такого мужчину я впервые увидела после его Сброса два с лишним года назад: измученного, злого на собственную слабость, но живого.

Вчера я сказала правду.

Я не хотела, чтобы он умер.

И сегодня тоже не хотела.

Но оставаться его женой ради безопасности его дракона я уже не могла.

— Найди хорошего врача, — сказала я. — И другого проводника, если Мериссе не доверяешь. Если понадобится мнение по предыдущей карте, я передам записи специалисту, которого ты выберешь.

— Но сама не придёшь?

— Нет.

— Даже если я попрошу?

— Особенно если попросишь.

Эйдар резко отодвинулся.

— Вот о чём я говорил вчера. Ты умеешь сделать правильное правило важнее живого человека.

— А ты умеешь назвать границу жестокостью, когда она тебе неудобна.

Он посмотрел на меня несколько секунд.

Потом взял документы.

Читал долго.

Дошёл до имущества и поднял голову.

— Где остальное?

— Какое?

— Дом. Счета. Доля от совместных приобретений.

— Мне не нужно.

— Это твоё по закону.

— Тогда считай, что я добровольно отказываюсь.

— Зачем?

— Чтобы не встречаться с тобой из-за оценки ковра в летней гостиной.

— Не будь смешной.

— Я совершенно серьёзна.

Он перелистнул страницу.

— Содержание тоже отказ?

— Да.

— Ты думаешь, я попытаюсь купить тебя?

— Нет.

— Тогда почему?

Я помолчала.

— Потому что через месяц не хочу задаваться вопросом, заплатила ли я за масло в своей кухне деньгами мужчины, который считал меня недостаточно полезной женой.

Эйдар закрыл глаза.

— Я не говорил, что ты бесполезна.

— Знаю.

— Тогда перестань переворачивать мои слова.

— Я ничего не переворачиваю. В этом как раз проблема.
Он бросил документы на стол.

— Ты не сможешь сразу вернуться к прежней работе.

— Посмотрим.

— Сайла.

— Что?

— Не делай вид, будто не понимаешь, как устроен город.

Я поняла, куда он ведёт разговор, раньше, чем он продолжил.

— Половина твоих последних клиентов пришла через людей, которых ты встретила после нашей свадьбы.

— И?

— И многие из них знают тебя как мою жену.

— Уже недолго.

— Это не смешно. У тебя два года не было собственной практики.

— У меня два года была лицензия.

— Которую ты использовала только для отдельных клиентов.

Это было правдой.

После свадьбы я продолжала работать, но перестала держать постоянную мастерскую. Брала сложные случаи по рекомендации, консультировала других проводников, иногда составляла карты для семей, которые знала много лет.

Эйдар никогда прямо не просил меня работать меньше.

Он просто однажды заметил, что мне необязательно брать

каждого клиента.

Потом предложил закрыть приёмную.

Потом мы начали чаще уезжать.

Потом мне стало удобно.

Это тоже была правда, и перекладывать её на него я не собиралась.

Я сама согласилась.

Сама решила, что могу позволить себе выбирать только интересную работу.

Сама позволила прежней практике почти исчезнуть.

— Значит, открою её снова, — сказала я.

— На какие деньги?

— На свои.

— У тебя личный счёт меньше, чем ты думаешь.

Я нахмурилась.

— Ты проверял?

Эйдар понял ошибку.

— Мы женаты. Я знаю наши счета.

— Мой личный счёт не наш.

— Я не распоряжался им.

— Но следил.

— Не следил. Я видел отчёты.

— Которые приходили тебе?

— Они приходят владельцу дома по общему финансовому своду.

Я молча смотрела на него.

Вот ещё одна вещь, о которой я никогда не спрашивала.

Мелочь.

Удобство.

Ничего преступного.

И именно поэтому меня неожиданно затошнило.

— Подпиши документы, Эйдар.

— Я могу дать тебе денег на мастерскую.

— Нет.

— Это не подачка.

— Тем более нет.

— Упрямая женщина.

— Вчера это была холодность. Сегодня — упрямство. Если продолжим до обеда, наконец составишь полный список причин, почему тебе пришлось завести любовницу.

Он побледнел.

— Я не виню тебя в этом.

— Прекрасно. Подпиши.

Он взял перо.

Но не поставил подпись.

— Если я сейчас подпишу, ты действительно уйдёшь?

Вопрос был тихим.

Без раздражения.

Без привычной защиты.

Я почувствовала боль, которую с ночи удерживала где-то за рёбрами.

Она никуда не делась.

Я любила этого мужчину ещё вчера.

Нельзя было перестать за несколько часов только потому, что он оказался хуже, чем я думала.

Наверное, именно поэтому мне требовалась подпись.

Пока существовало «может быть», я рисковала однажды спутать боль с надеждой.

— Я уже ушла, — сказала я.

Эйдар подписал.

После этого всё заняло двадцать семь минут.

Регистратор вызвал двух свидетелей из соседнего кабинета.

Мы подтвердили отсутствие детей и имущественных претензий.

Я ещё раз письменно отказалась от содержания.

Эйдар официально не стал оспаривать указанную причину расторжения.

На этом регистратор наконец позволил себе посмотреть на него с выражением, которое до этого профессионально скрывал.

В одиннадцать сорок три на документ поставили красную печать.

— Брак между Эйдаром Керром и Сайлой Керр считается расторгнутым с настоящего момента, — произнёс регистратор. — Госпожа...

Он посмотрел в мои документы.

— Роэн.

Я выдохнула.

Всё.

Никакого грома.

Никакого магического света.

Брачные отношения драконов прекращались точно так же, как человеческие: подписью, печатью и человеком за столом, который хотел успеть пообедать вовремя.

Эйдар встал.

— Я отвезу тебя.

— Не надо.

— Куда ты сейчас?

— Работать.

Он посмотрел так, будто я сказала что-то нелепое.

— Сегодня?

— А что должно произойти сегодня?

— Ты только что развелась.

— Я присутствовала.

— Сайла...

— У тебя через три дня Сброс. Иди к врачу.

Он хотел что-то сказать, но передумал.

У двери всё же остановился.

— Если тебе что-нибудь понадобится...

— Не понадобится.

— Ты даже не знаешь, что я собирался предложить.

— Именно поэтому ответ получился таким быстрым.

Он ушёл.

Я подождала несколько минут.

Потом попросила регистратора выдать заверенную копию документа о возврате фамилии.

Он протянул мне лист.

— Госпожа Роэн.

Я подняла глаза.

Регистратор чуть улыбнулся.

— Чтобы привыкать заранее.

Я впервые за это утро улыбнулась в ответ.

К полудню столица уже знала о нашем разводе.

Я поняла это, когда зашла в мастерскую и обнаружила под дверью четыре записки.

Первая была от женщины, с которой мы встречались на приёмах у Керров.

«Сайла, если слухи правдивы, мне очень жаль. Если тебе понадобится место, приезжай».

Вторая — от другой знакомой:

«Не верь всему, что сейчас будут говорить. Держись».

Третья оказалась без подписи.

«Некоторые женщины слишком поздно понимают, что новая фамилия не делает их равными другим членам семьи».

Я перечитала дважды.

Потом выбросила.

Четвёртая была от управляющего домом.

Он хотел знать, собираюсь ли я возобновлять постоянную работу, потому что ему уже позвонили два человека.

Я ещё держала записку, когда внизу хлопнула входная дверь.

Через минуту на лестнице слышались тяжёлые шаги.

Я ожидала очередного сочувствующего знакомого.

Вместо этого в приёмную вошёл пожилой мужчина в тёмно-синем сюртуке.

Я узнала его.

— Господин Вейр.

— Госпожа Роэн.

Он произнёс фамилию без заминки.

За это я сразу стала относиться к нему лучше.

— Чем могу помочь?

— Моей матери нужен проводник.

— Насколько срочно?

— Сброс начался сегодня утром.

Я перестала думать о записках.

— Где она?

— В доме на Северной набережной.

— Кто составлял карту?

Он помолчал.

— За последние две недели четверо специалистов отказались.

— Почему?

— Возраст.

— Сколько ей?

— Восемьдесят один.

— Это не причина.

— Они говорили о нестабильной памяти.

— Диагноз?

— После прошлогоднего Сброса у неё начались провалы. Иногда она помнит события пятидесятилетней давности лучше вчерашнего дня. Два врача считают, что стандартная последовательность не удержит её в настоящем.

Теперь я понимала отказ коллег.

Не трусость.

Риск.

У пожилых драконов с нарушенной последовательностью памяти карта действительно могла превратиться в ловушку. Опора, которая вчера вызывала ясное узнавание, сегодня могла вести в совершенно другой фрагмент.

— Почему пришли ко мне?

— Госпожа Терн дала ваш адрес.

Я невольно подняла брови.

— Когда?

— Сегодня утром.

Вот почему управляющий получил звонки.

Госпожа Терн не теряла времени даже тогда, когда ей самой предстоял Сброс.

— Мне нужны медицинские записи вашей матери за три года. Предыдущая карта. Список всех людей, которых она сегодня узнала и не узнала. И ничего не меняйте в комнате до моего приезда.

— Вы возьмётесь?

— Я сначала посмотрю.

— Остальные даже смотреть не приехали.

— Тогда они уже приняли решение.

Он достал из внутреннего кармана сложенный лист.

— Каков ваш гонорар?

Я назвала прежнюю ставку.

Господин Вейр не моргнул.

— За срочность заплачу вдвое.

— За срочность — на треть больше. Остальное не сделает карту надёжнее.

Он внимательно посмотрел на меня.

— О вас сегодня говорят другое.

— Уверена.

— Говорят, что без Керра вы будете хвататься за любую работу.

Я положила его лист на стол.

— Тогда можете нанять тех, кто это говорит.

Господин Вейр неожиданно улыбнулся.

— Мать сказала примерно то же самое. Только грубее.

Через двадцать минут мы ехали на Северную набережную.

Драконицу звали Орс Вейр.

Я видела её раньше на нескольких официальных приёмах, но никогда не работала с ней.

Она лежала в большой комнате с закрытыми шторами.

Волосы, почти полностью седые, распустили по подушке. На висках уже проступала тонкая золотистая сеть — первый внешний признак того, что сознание начало уходить в лабиринт.

Рядом находились врач, сын и женщина лет пятидесяти, представившаяся дочерью.

— Она отвечает? — спросила я.

— Иногда, — сказал врач.

Я поставила сумку на стол.

— Госпожа Вейр?

Веки дрогнули.

— Оrsa.

— Хорошо. Оrsa, меня зовут Сайла.

— Не люблю это имя.

Её дочь ахнула.

Я улыбнулась.

— Мне тоже не все имена нравятся.

— Ты проводник?

— Да.

— Тогда хуже.

Господин Вейр прикрыл рот рукой.

— Мама всегда ненавидела проводников, — пояснила дочь.

— Отлично, — сказала я. — Значит, реакция устойчивая.

Оrsa открыла глаза.

Зрачки уже начали меняться. Тёмно-карий цвет на мгно-

вание прорезало золото.

— Керр, — пробормотала она.

Я перестала записывать.

— Нет.

— Видела тебя рядом с ним.

— Больше не увидите.

Она смотрела несколько секунд.

— Умер?

— Развелись.

— Ещё хуже.

Я не удержалась от короткого смешка.

— Для кого?

— Для сплетников. Теперь месяц будут заняты.

Её сын тихо застонал.

— Мама.

— Что?

— У тебя Сброс начинается.

— Я заметила.

Она закрыла глаза.

Я посмотрела на врача.

— Когда началась первая дезориентация?

— Около семи утра.

— Температура?

— Нормальная.

— Слух?

— Реагирует.

— Запах?

Он протянул журнал.

Я пролистала записи.

И почти сразу поняла, почему стандартная карта здесь не подойдёт.

Орса не теряла память хаотично.

Она теряла время.

События оставались, но переставали располагаться в правильном порядке.

Если дать ей запах дома детства, она могла решить, что ей десять.

Если голос сына — принять его за собственного отца.

Если использовать любимую песню, она могла попасть в день смерти мужа, потому что ту же мелодию играли на похоронах.

— Уберите все личные фотографии, — сказала я.

Дочь удивлённо посмотрела.

— Разве они не должны помогать?

— Обычно да. Здесь будут мешать.

— Что вы собираетесь использовать?

— То, что не менялось всю её жизнь.

Я задала Орсе около сорока вопросов.

Большинство она проигнорировала.

На часть ответила неправильно.

Потом я спросила:

— Какая рука у вас сильнее в драконьей форме?

Она нахмурилась.

— У драконов нет рук.

— Уже лучше.

— Передняя левая лапа.

— Где ломали коготь?

— На Чёрном берегу.

— Сколько вам было?

— Неважно.

— Что вы почувствовали?

Орса открыла глаза.

— Боль, дура.

— Отлично.

Врач посмотрел на меня так, будто впервые видел человека, радующегося боли восьмидесятилетней женщины.

Но именно это мне и требовалось.

Не воспоминания.

Телесные закономерности.

То, что не зависело от того, какой год Орса считала настоящим.

Мы построили карту на ритме дыхания, положении левой стороны тела, трёх нейтральных тактильных сигналах и коротком низком звуке, который не был связан ни с одним конкретным событием.

Никаких родственников.

Никаких любимых духов.

Никаких домов.

Никакого имени.

В четыре часа дня Орс перестала отвечать человеческим голосом.

К шести золото полностью затопило радужку.

В восемь она вошла глубже.

Я сидела возле кровати и каждые семь минут повторяла последовательность.

Два касания к запястью.

Пауза.

Одно к плечу.

Низкий звук.

Изменение положения левой ладони.

Снова пауза.

На первом слое она шла ровно.

На втором начала сопротивляться.

Тело напряглось, пальцы скрючились, под кожей на предплечьях выступила бронзовая чешуя.

— Сайла? — тихо спросил врач.

— Не трогайте её.

Орса дёрнулась.

Зубы стали длиннее.

Я повторила сигнал.

Никакой реакции.

Ещё раз.

Снова ничего.

Сын сделал шаг вперёд.

— Мама.

Я резко подняла руку.

— Не называйте её.

Он остановился.

Орса услышала голос.

Голова повернулась.

Вот этого я боялась.

Личное узнавание прорвалось в нейтральную карту.

Её дыхание участилось.

Чешуя пошла выше по шее.

— Все выйдите, — сказала я.

— Но...

— Сейчас.

Врач первым понял.

Он вытолкнул родственников из комнаты и закрыл дверь.

Мы остались втроём.

Я, врач и драконица, которая уже не знала, в каком году находится.

Я убрала голос.

Перестала говорить совсем.

Вернулась к телесной последовательности.

Два касания.

Пауза.

Одно.

Звук.

Левая сторона.

Орса ударила ладонью по матрасу.

Доски кровати треснули.

Врач побледнел.

Я повторила.

На четвёртый раз дыхание начало замедляться.

На седьмой чешуя перестала подниматься.

На девятый Орса повернула левую ладонь именно так, как мы отработывали до погружения. Она нашла опору.

Дальше оставалось ждать.

Ночь прошла медленно.

Я выпила четыре чашки отвратительного кофе.

Врач один раз уснул сидя и чуть не упал со стула.

Около трёх часов утра Орса начала возвращаться.

Не резко.

Сначала исчезла чешуя.

Потом изменилось дыхание.

После четырёх она открыла глаза.

Смотрела в потолок долго.

Я не называла её по имени.

Не спрашивала, узнаёт ли меня.

Просто ждала.

Наконец она повернула голову.

— Проводник.

— Да.

— Ненавижу вас.

— Это мы уже проверяли.

Она нахмурилась.

Потом неожиданно улыбнулась.

Человеческой улыбкой.

Я поняла, что всё закончилось.

Врач позвал детей.

Дочь вошла первой.

Орса посмотрела на неё.

Несколько секунд молчала.

— Элли.

Женщина закрыла рот ладонью и заплакала.

Сын подошёл ближе.

Орса поморщилась.

— А ты постарел.

— Мама, тебе восемьдесят один.

— И что? Это не оправдание твоей лысины.

Я встала.

Ноги затекли.

Спина болела так, будто я сама всю ночь пыталась выбраться из лабиринта.

Впервые после комнаты Эйдара я несколько часов вообще о нём не думала. Усталость осталась, но мысли больше не возвращались к мужу против моей воли.

Господин Вейр догнал меня в холле.

— Госпожа Роэн.

— Да?

Он протянул чек.

Сумма оказалась больше той, о которой мы договаривались.

Я посмотрела.

— Здесь ошибка.

— Нет.

— Мы называли другую сумму.

— Остальное за то, что вы приехали.

— Я приехала, потому что вы меня наняли.

— Остальные отказались.

— Это их решение, не моя заслуга.

Он вздохнул.

— Вы всегда так плохо принимаете деньги?

— Хорошо принимаю. Просто предпочитаю понимать, за что.

— Тогда считайте остаток оплатой за срочное восстановление мастерской. Мать сказала, что через месяц приведёт к вам трёх своих подруг, а ей будет неловко, если они провалятся сквозь пол.

Я посмотрела на него.

— Она успела это сказать?

— Сразу после замечания о моей лысине.

Я всё-таки взяла чек.

— Тогда передайте, что пол будет готов.

Когда я вернулась на улицу Фаррен, было около шести утра.

Солнце только поднималось.

Я открыла дверь мастерской.

Пыль никуда не делась.

Лампа всё так же мигала.

Чай оставался несъедобным.

Но на столе лежал чек, которого хватало на три месяца аренды, ремонт водяного контура, новые расходные материалы и помощника хотя бы на первое время.

Я сняла плащ.

Открыла окна.

Потом нашла старую деревянную табличку.

На ней ещё сохранилась надпись:

САЙЛА РОЭН

ПРОВОДНИК СНА

Я вынесла её на лестничную площадку и повесила возле двери.

К девяти пришёл мастер по водяному контуру.

К десяти — поставщик серебряной пасты.

К одиннадцати управляющий принёс список из пяти звонков.

К полудню у меня было два запроса на консультацию и один предварительный договор.

А ещё пятнадцать записок.

Некоторые сочувствовали.

Некоторые спрашивали подробности развода.

Одна женщина, которую я едва знала, написала, что всегда подозревала Эйдара.

Ещё две намекали, что мужчина вроде него «долго один не останется», словно я должна была срочно пересмотреть решение, пока его не подобрали окончательно.

Я выбросила почти все.

Около двух пришла доставка из дома Керров.

Три больших ящика.

Мои книги.

Инструменты.

Одежда.

Сверху лежал конверт.

Я узнала почерк Эйдара и некоторое время смотрела на него.

Потом открыла.

Внутри была одна строка.

«Если передумаешь насчёт денег, счёт останется открыт».

Я перевернула лист.

Больше ничего.

Ни извинения.

Ни просьбы вернуться.

Ни упоминания Мериссы.

Я порвала записку пополам.

Потом ещё раз.

Не из красивой ярости.

Просто не хотела, чтобы она лежала на моём столе.

К вечеру мастерская начала становиться похожей на рабочее место.

Я переставила мебель, выбросила старые засохшие составы и почти закончила разбирать инструменты, когда кто-то постучал.

— Открыто.

Дверь не открылась.

Стук повторился.

Три раза.

Ровно.

Я нахмурилась и пошла в приёмную.

На пороге стоял мужчина, которого я знала только по официальным приёмам и газетным гравюрам.

Варрен Сольт.

Чёрный дракон.

Руководитель Палаты происшествий Ночного Сброса.

Он был выше Эйдара и значительно шире в плечах, но первое, что я заметила, оказалось не это.

Он стоял так, чтобы видеть одновременно меня, лестницу и окно приёмной.

Привычка человека, который всегда считал выходы.

Тёмные волосы были коротко подстрижены. На виске проходил тонкий белый шрам. Чёрный сюртук сидел безупречно, но перчатки он держал в руке, будто снял их ещё на улице и не захотел тратить время на карман.

— Госпожа Роэн?

— Да.

Ни паузы.

Ни «Керр».

Это я тоже отметила.

— Варрен Сольт.

— Я знаю.

— Это должно польстить моей должности или насторожить меня?

Я посмотрела на него.

Голос был совершенно серьёзным.

Только по едва заметному движению уголка рта я поняла, что он шутит.

— Пока не решила.

— Разумно.

Он не попытался пройти без приглашения.

Я отступила.

— Входите.

Варрен вошёл и оглядел приёмную.

На ящики.

На инструменты.

На табличку, которую было видно через открытую дверь.

— Не лучшее время? — спросил он.

— Зависит от причины визита.

— Причина плохая.

— Тогда время действительно не лучшее.

Он подошёл к столу.

Я ждала привычного:
соболезнований;

намёка на развод;
вопроса о Мериссе;
интереса к Эйдару.

Вместо этого Варрен достал из внутреннего кармана сложенный документ.

— Мне требуется профессиональная консультация.

— Запись на следующую неделю.

— На следующей неделе может быть поздно.

— Все так говорят.

— У меня есть преимущество.

— Какое?

— Я принёс доказательство.

Он положил документ передо мной.

Это был медицинский анализ.

Печать Палаты.

Подпись государственного токсиколога.

Имя пациента:

Варрен Сольт.

Я пробежала глазами показатели.

Ничего необычного.

Потом дошла до последней строки.

Перечитала.

Ещё раз.

— Откуда это у вас?

— Из моей крови.

Я подняла взгляд.

— Я вижу.

— Тогда вопрос сформулирован плохо.

— Вы принимали препараты для облегчения Сброса?

— Нет.

— Успокоительные?

— Нет.

— Снотворное?

— Последний раз восемь месяцев назад.

Я постучала пальцем по строке.

— Это вещество не появляется само.

— Поэтому я здесь.

— Его даже не должно быть в свободном обороте.

— Знаю.

— Кто проводил анализ?

— Токсиколог Палаты. Повторный образец дал тот же результат.

Я снова посмотрела на название соединения.

Предшественник летарового комплекса.

Не готовый препарат.

Но достаточно близко, чтобы мне стало неуютно.

— Когда ваш следующий Сброс?

Варрен молчал несколько секунд.

— Через двадцать два дня.

Я отложила лист.

— Кто ваш проводник?

— Пока никто.

— Почему?

— Потому что три недели назад я обнаружил в своей крови вещество, которое не принимал.

— И решили, что разумнее вообще остаться без карты?

— Нет. Решил сначала выяснить, кто пытается составить её за меня.

Я посмотрела на него внимательнее.

Варрен не выглядел напуганным.

Такие мужчины редко выглядели напуганными, даже когда уже подчиняли страху каждое своё решение.

— Что именно вы хотите от меня?

Он не ответил сразу.

Достал второй лист.

На нём было три имени.

Рядом — даты Ночных Сбросов.

И короткие медицинские пометки.

Первый: раннее пробуждение, нарушение узнавания ближайшего родственника.

Второй: частичная амнезия.

Третий: потеря устойчивой эмоциональной реакции при сохранении фактической памяти.

Я перечитала последнее дважды.

— Все живы?

— Да.

— В человеческом состоянии?

— Сейчас да.

— Проводники?

— Три разных человека.

— Тогда почему вы связываете случаи?

Варрен положил рядом третий документ.

Три одинаковые строки.

Один препарат.

Летар.

Я подняла глаза.

Он сказал:

— Потому что все трое получили его перед Сбросом.

— По назначению врача?

— Да.

— А вы?

— Нет.

Я снова посмотрела на его анализ.

— Следы всё равно есть.

— Именно.

В приёмной стало неожиданно тихо.

На улице кто-то смеялся.

По лестнице прошёл сосед.

Совсем обычный вечер.

Я провела большим пальцем по краю медицинского листа.

— Господин Сольт, если вы хотите, чтобы я стала вашим проводником, ответ сразу нет.

Он даже не моргнул.

— Хорошо.

Я нахмурилась.

— Хорошо?

— Я не предлагал.

— Тогда зачем пришли к проводнику за двадцать два дня до собственного Сброса?

Варрен опёрся ладонью о край стола.

Не приближаясь.

Не пытаясь давить ростом или положением.

— Потому что Палата умеет расследовать отравления.

Он указал на документы.

— Врачи умеют искать вещество в крови. Следователи умеют выяснять, кто его туда поместил.

Потом коснулся пальцем строки с потерей памяти.

— Но никто из них не умеет читать карту так, как вы.

Я молчала.

Он продолжил:

— Мне не нужно, чтобы вы меня вели.

На секунду мне почему-то вспомнился Эйдар.

«Ты сама отказалась входить в мой сон».

Я оттолкнула воспоминание.

Варрен смотрел прямо на меня.

— Я прошу выяснить, кто уже вошёл в мой сон без разрешения.

Я снова посмотрела на медицинский анализ.

Потом на три имени.

На слово «Летар».

Ещё утром моей главной проблемой был развод.

К вечеру он уже начинал казаться самой понятной вещью, случившейся со мной за последние сутки.

— Оставьте документы, — сказала я.

— Это согласие?

— Это означает, что я их прочитаю.

— А потом?

— Если найду основание считать случаи связанными, поговорим.

Варрен кивнул.

— Достаточно.

Он направился к двери.

— Господин Сольт.

Он обернулся.

— Как вы узнали, что я снова открыла мастерскую?

Он впервые выглядел удивлённым.

— Ваша табличка висит снаружи.

— Она висит с сегодняшнего утра.

— Тогда, вероятно, сегодня утром.

— Вы случайно проходили мимо?

— Нет.

— Значит?

Варрен помолчал.

— Госпожа Терн.

Я закрыла глаза.

Конечно.

— Она знает всех?

— Иногда мне кажется, что раньше, чем они сами.

— И что именно она вам сказала?

Уголок его рта снова едва заметно поднялся.

— Что если мне нужен лучший специалист по чужой памяти, следует успеть к вам до того, как столица вспомнит, что вы существовали до брака с Керром.

Он открыл дверь.

— Доброй ночи, госпожа Роэн.

— Доброй ночи.

Дверь закрылась.

Я осталась одна.

На столе лежали документы человека, который через двадцать два дня должен был войти в Ночной Сброс.

И следы вещества в его крови означали, что кто-то начал готовиться к этому раньше него.

ГЛАВА 2. Человек, который не хочет засыпать

После ухода Варрена Сольта я заперла мастерскую и ещё несколько минут стояла возле двери, прислушиваясь к его шагам на лестнице.

Он не задержался.

Не вернулся с дополнительным аргументом.

Не попытался напомнить, что руководителю Палаты про-исшествий обычно не отказывают.

Просто ушёл.

Его готовность принять отказ настораживала сильнее, чем попытка надавить.

Я вернулась в кабинет.

Три папки лежали на столе рядом с его медицинским заключением.

Варрен не оставил мне полный следственный архив. Это было бы незаконно, да и настолько доверчивым он явно не являлся. Но принесённого хватало, чтобы испортить мне остаток вечера.

Я зажгла вторую лампу.

Первая папка принадлежала Иарану Вессу.

Серебряный дракон, сорок шесть лет.

Женат.

Двое детей.

Последние три Сброса без осложнений.

За пять дней до четвёртого ему назначили «Летар» в качестве вспомогательного препарата для снижения глубины первичного провала.

Я перечитала формулировку.

Снижение глубины.

Интересно.

Сброс не был болезнью, которую следовало сделать слабее. Чем глубже дракон уходил в первые часы, тем легче иногда оказывалось отделить хаотические внешние впечатления от настоящей карты.

Попытка удержать сознание ближе к поверхности могла облегчить работу проводника.

И одновременно создать десятки лишних связей.

Я перевернула лист.

Иаран проснулся через двадцать девять часов вместо обычных сорока восьми.

Физическое состояние удовлетворительное.

Человеческая речь сохранена.

Ориентация в месте и времени восстановилась через одиннадцать минут.

Помнил имя.

Возраст.

Дом.

Жену.

Младшего сына.

Старшую дочь — нет.

Я остановилась.

Не «не узнал».

Не перепутал.

Не испытал временную дезориентацию после Сброса.

В медицинском заключении было написано:

«Устойчивая потеря автобиографического комплекса, связанного с Алиссой Весс».

Я продолжила.

Иаран знал, что у него двое детей.

Знал, что в семье есть дочь.

Помнил комнату на втором этаже, которую когда-то перестраивали для ребёнка.

Помнил, как покупал маленькую серую лошадь.

Помнил поездку на Южное побережье, состоявшуюся семнадцать лет назад.

Но если ему показывали Алиссу, он видел незнакомую женщину.

На семейном портрете мог назвать всех, кроме неё.

Самым неприятным было последнее примечание врача.

«Пациент принимает документальные подтверждения родства. Эмоциональная реакция отсутствует».

Я отложила лист.

Забыть лицо можно.

Имя тоже.

Человеческая память вообще значительно менее надёжна,
чем люди любят думать.

Но здесь исчезло не лицо.

Исчез человек из системы отношений.

Я открыла карту.

Проводником Иарана был Олвис Ренн.

Я знала его.

Пятьдесят два года. Двадцать семь лет практики. Зануда,
способный спорить о длине паузы между двумя звуковыми
опорами целый вечер.

Не тот человек, который случайно потеряет из карты дочь
клиента.

Я пробежала подготовительный протокол.

Главный эмоциональный якорь: Алисса Весс.

Вот.

Дочь не находилась где-то на краю карты.

Она была одним из маршрутов возвращения.

Я перечитала последовательность.

Голос Алиссы использовался только на третьем этапе.

До него Иаран не дошёл.

Его сознание вышло раньше.

Я провела пальцем по строке.

Раньше.

Не заблудился.

Не застрял.

Не был вытащен экстренным вмешательством.

Просто свернул до того, как должен был встретить якорь дочери.

Я взяла чистый лист и написала:

«Весс — ранний выход. Утерян участок за точкой выхода?»

Вторая папка принадлежала Корвену Тарру.

Медный дракон, пятьдесят один год.

Чиновник финансовой палаты.

Два месяца назад находился под внутренним расследованием.

До Сброса официально дал признательные показания о получении денег от торгового дома, которому помог получить государственный контракт.

После Сброса признание забыл.

Не отрицал подпись.

Не обвинял следователей.

Не говорил, что документ поддельный.

Просто не помнил ни самой встречи, ни передачи денег, ни следующих трёх дней.

Я нашла медицинский журнал.

«Летар».

Та же дозировка.

Другой врач.

Другой проводник.

Другая клиника.

Корвен проснулся на восемнадцать часов раньше ожида-

емого.

До Сброса главным страховым узлом карты значился кабинет в восточном крыле Финансовой палаты.

Именно там он получил деньги.

Проводник использовал этот эпизод не для наказания клиента и не для морального очищения. Внутренний лабиринт вообще не интересовался человеческой справедливостью.

Стыд и страх были просто сильными ориентирами.

Иногда неприятное воспоминание удерживало сознание надёжнее, чем счастливое.

После Сброса Корвен помнил сам кабинет.

Коллег.

Документы.

Заседание Совета утром того же дня.

Но участок между шестью вечера и следующим утром исчез полностью.

Третью папку я открывала уже медленнее.

Тессар Нейл.

Красный дракон, тридцать восемь лет.

Не женат.

Последние девять лет жил с мужчиной по имени Лер До-вен.

Факты Тессар сохранил.

Знал, кто такой Лер.

Помнил знакомство.

Их первый дом.

Путешествие в Белые горы.

Помнил, что собирался оформить совместное наследственное соглашение.

Мог рассказать, какую еду Лер ненавидел и какую книгу перечитывал каждую зиму.

Но после Сброса попросил его съехать.

В заключении врача была приведена фраза Тессара:

«Я понимаю, что должен что-то чувствовать, когда смотрю на него. Но не чувствую».

Я долго смотрела на эту строку.

Потом закрыла папку.

В комнате было холодно.

Водяной контур мастер починил только наполовину и обещал закончить завтра. Я завернулась в старую шаль, поставила чайник и снова разложила документы.

Три человека.

Три разных проводника.

Три клиники.

Три разных вида памяти.

На первый взгляд.

Дочь.

Преступление.

Любовь.

Но все три фрагмента были встроены в карту.

Не просто присутствовали в жизни дракона.

Использовались как точки маршрута.

Я вернулась к препаратам.

«Летар» появился в столичных клиниках около четырёх месяцев назад.

Я читала о нём.

Компания утверждала, что средство уменьшает интенсивность первичного распада сознания и снижает вероятность насильственной частичной трансформации в первые часы Сброса.

Реклама была составлена умно.

Никаких обещаний полностью безопасной процедуры.

Никаких чудес.

Только аккуратные слова: «может облегчать», «способствует стабилизации», «по данным клинических наблюдений».

Я никогда его не назначала.

Проводники вообще не назначали препараты.

Но имели право рекомендовать врачу отказаться от вещества, если оно влияло на карту.

Я видела результаты первых испытаний и написала короткое заключение для профессионального журнала.

Слишком мало данных.

Непредсказуемое влияние на узнавание.

Неясная продолжительность действия.

После публикации представитель производителя даже прислал мне очень вежливое письмо на четыре страницы,

объясняя, почему я неправильно поняла их исследования.

Я не ответила.

Теперь пожалела.

Потому что письмо, вероятно, лежало где-то в одном из ящиков.

Я нашла его через двадцать минут.

Компания называлась «Энтар-Мед».

Разрешение на производство выдано Советом медицинских практик.

Основное действующее вещество — летарин.

Сам летарин быстро распадался.

Через двенадцать часов в крови его почти не обнаруживали.

Через сутки стандартный анализ не должен был находить ничего.

Я посмотрела на заключение Варрена.

У него обнаружили не летарин.

А промежуточное соединение.

След, возникающий в организме после нескольких превращений вещества.

Это было возможно.

Но странно.

Я ещё раз проверила дату первого анализа.

Три недели назад.

Дата повторного — пять дней назад.

В обоих образцах присутствовал один и тот же маркер.

Я нахмурилась.

Если Варрен действительно получил одну дозу «Летара» три недели назад, повторный анализ пять дней назад не должен был показывать почти такую же концентрацию.

Либо вещество вводили повторно.

Либо это был не обычный «Летар».

Я написала второй вопрос.

Потом третий.

К часу ночи на столе лежало одиннадцать листов.

К двум — шестнадцать.

Я наконец поняла, что снова собираюсь провести ночь без сна, и разозлилась.

Не на Варрена.

На себя.

Ещё вчера я жила в доме с мужем.

Сегодня успела развестись, провести чужой Сброс, открыть мастерскую и влезть в расследование возможного вмешательства в драконью память.

Организм имел право потребовать хотя бы несколько часов покоя.

Я сложила документы.

Сняла платье.

Легла в узкой комнате за кабинетом.

И почти сразу увидела Эйдара.

Не во сне.

В памяти.

Он сидел на кушетке, а рука лежала на бедре Мериссы.
Я повернулась к стене.

Не помогло.

В голове появился другой Эйдар.
Тот, которого я выводила из Сброса.

Он лежал на полу и не узнавал собственного имени.
Зато поворачивал голову, когда слышал моё дыхание.
Тогда я считала это победой.

Теперь впервые подумала: а если именно в тот момент всё
и началось?

Не измена.

Наша зависимость.

Я заставила себя открыть глаза.
— Не сегодня, — сказала пустой комнате.

Утром Варрен пришёл в восемь.
Я открыла дверь с чашкой кофе в руке.
— Вы всегда настолько пунктуальны?

— Нет.

— Удивительно.

— Обычно я прихожу раньше.

Я посмотрела на часы.

— Это угроза?

— Предупреждение.

Он снял перчатки.

Сегодня на нём не было официального сюртука Палаты.
Простая чёрная рубашка, тёмное пальто и никакого знака

должности, кроме металлической пластины на ремне.

— Вы прочитали документы? — спросил он.

— Да.

— Значит, я зря рассчитывал на кофе?

— Для вас нет.

— Почему?

— У меня одна чашка.

Баррен посмотрел на неё.

— Сильный аргумент.

Я пропустила его в кабинет.

На столе уже лежали три папки и мои записи.

Он сел, но не стал трогать бумаги.

— Что вы увидели?

— Сначала вы ответите на вопросы.

— Я предполагал.

— Где полный медицинский журнал по каждому?

— В Палате.

— Мне понадобится доступ.

— Если возьмётесь за дело.

— Я пока не взялась.

— Тогда полный доступ пока не понадобится.

Я посмотрела на него.

— Вы всегда так разговариваете с людьми, чья помощь вам нужна?

— Обычно хуже.

— Хорошо, что предупредили.

Он чуть откинулся на спинку кресла.

— Спрашивайте.

Я взяла его анализ.

— Когда именно вам проводили закрытый медицинский осмотр?

— Двадцать три дня назад.

— Причина?

— Распоряжение Совета.

— Это обычная процедура?

— Для руководителей государственных палат — ежегодная.

— Перед Сбросом?

— Нет. Дата осмотра не связана с ним.

— Кто присутствовал?

— Врач Совета. Два помощника. Я.

— Имя врача?

— Йорвен Арт.

Я записала.

— Что делали?

— Стандартный осмотр. Кровь. Зрение. Реакция дракона на подавляющий контур. Сердце.

— Инъекции?

— Одна.

Я подняла глаза.

— Вчера вы сказали, что не принимали «Летар».

— Не принимал.

— Что ввели?

— Контрастный состав для проверки реакции крови на драконью трансформацию.

— Вы видели флакон?

— Нет.

— Почему?

— Потому что не предполагал, что государственный врач решит меня отравить.

— Значит, всё-таки умеете доверять людям.

— Раз в несколько лет совершаю такую ошибку.

Я не улыбнулась, хотя хотелось.

— После осмотра были симптомы?

— Никаких.

— Головокружение?

— Нет.

— Нарушение сна?

Он помолчал.

— Было.

Я положила перо.

— Что именно?

— Через два дня начал просыпаться около трёх часов ночи.

— Каждый день?

— Почти.

— Сны?

— Я редко их запоминаю.

— А эти?

Варрен посмотрел на меня чуть внимательнее.

— Иногда кажется, что нахожусь в помещении, которого не узнаю.

— Кажется?

— Просыпаюсь с ощущением комнаты. Без изображения.

— Запах?

— Нет.

— Звук?

— Иногда металл.

— Что значит «металл»?

— Будто кто-то проводит ножом по камню.

Я записала.

— Вы сообщили врачу?

— Нет.

— Почему?

— Потому что через неделю мой токсиколог случайно нашёл в крови чужой маркер, и вопрос сна перестал казаться отдельным.

— Случайно?

— Я сдаю кровь раз в месяц.

— Зачем?

— Работа.

Я подняла брови.

— Руководители Палаты происшествий регулярно проверяются на яды, седативные вещества и препараты, влияющие

на трансформацию.

— Настолько много желающих вас отравить?

— Настолько много людей считают, что смогут объяснить неудачный Сброс естественной причиной.

Сказано было спокойно.

Без хвастовства.

Я посмотрела на него внимательнее.

— Вы уже расследуете собственное отравление?

— Да.

— И что нашли?

— Ничего, чем готов поделиться до заключения договора.

— Значит, вы пришли ко мне за консультацией, но собираетесь скрывать половину данных.

— Я пришёл понять, нужна ли мне ваша консультация.

— А я пытаюсь понять, стоит ли связываться с человеком, который считает информацию наградой за хорошее поведение.

Варрен некоторое время молчал.

Потом достал из кармана небольшой ключ.

Положил на стол.

— Архивный допуск.

Я не прикоснулась.

— К чему?

— Медицинские журналы всех трёх случаев. Полные карты. Протоколы допросов врачей и проводников. Материалы по регистрации «Летара».

— Вы сказали, что получите это только после договора.

— Передумал.

— Быстро.

— Вы раздражаетесь убедительнее, чем большинство юристов Палаты.

Я всё-таки взяла ключ.

— Это не согласие работать.

— Знаю.

Я подвинула к нему три листа.

— У ваших пострадавших общая проблема.

— «Летар».

— Нет.

Он нахмурился.

— Тогда что?

— Все потерянные фрагменты находились на маршруте карты.

Я показала первый лист.

— Весс должен был выйти через голос дочери. Не дошёл.

Второй.

— Тарр должен был пройти через воспоминание о взятке.

Не дошёл.

Третий.

— Нейл должен был использовать связь с Лером как один из возвратных узлов. После Сброса факты остались, эмоциональная нагрузка исчезла.

Варрен прочитал мои пометки.

— Вы думаете, препарат стирает карту.

— Нет.

— Почему?

— Если бы он стирал её, мы получили бы разрушение структуры. Дезориентацию. Потерю нескольких соседних эпизодов. Возможно, невозможность вернуться.

— А получили?

— Слишком чистый результат.

Я взяла карандаш и нарисовала простую линию.

— Представьте коридор.

Отметила три точки.

— Здесь первая опора. Здесь вторая. Здесь третья.

Провела обходную дугу.

— А теперь кто-то открывает боковую дверь между первой и третьей.

— Дракон выходит раньше.

— Да.

— И всё, что осталось за закрытым участком, перестаёт существовать?

— Это пока предположение.

— Но?

— Но очень неприятное.

Он посмотрел на схему.

— Весс не дошёл до дочери.

— Да.

— Тарр — до собственного признания.

— Да.

— Нейл...

Я помолчала.

— Возможно, дошёл до воспоминаний о Лере как до фактов, но обошёл участок, где они связывались с эмоциональным центром.

Варрен поднял взгляд.

— Можно забыть любовь, сохранив воспоминания?

— Я не знаю.

— Это плохой ответ.

— Это честный ответ.

Он медленно кивнул.

— Предпочитаю такие.

Я взяла результаты анализов.

— Теперь о вас.

— Я слушаю.

— Концентрация маркера почти не изменилась между двумя анализами.

— Токсиколог сказал то же самое.

— Обычный «Летар» так себя не ведёт.

— Значит?

— Либо вам вводили вещество повторно.

— После осмотра инъекций не было.

— Вы уверены?

— Да.

— Пили что-нибудь, чего обычно не пьёте?

— Воду.

— Сарказм не считается напитком.

— Тогда нет.

— Еда?

— Готовлю сам.

Я остановилась.

— Всегда?

— Почти.

— У руководителя Палаты нет повара?

— Есть.

— И?

— Я не пользуюсь.

— Почему?

— Не люблю, когда незнакомый человек знает, что я собираюсь съесть.

Я посмотрела на него.

— Это уже не осторожность.

— Спасибо за медицинское заключение.

— Я проводник, а не врач.

— Тогда профессиональное.

— Тоже не входит в стоимость.

На этот раз он действительно улыбнулся.

Коротко.

И совершенно не так, как Эйдар.

Я тут же разозлилась на себя за сравнение.

Не прошло даже двух суток.

Любой мужчина с другим выражением лица не обязан был становиться частью внутреннего отчёта о бывшем муже.

— Что-нибудь ещё? — спросила я.

— Я хотел задать тот же вопрос.

Я вернулась к анализу.

— Есть второй вариант.

— Какой?

— Вещество могло быть создано так, чтобы удерживаться в тканях и постепенно снова попадать в кровь.

— Это возможно?

— Теоретически.

— Мне не нравятся теоретические возможности.

— Всем не нравятся до первого трупа.

Он замолчал.

Я вспомнила собственную фразу Мериссе и почувствовала неприятный холод.

— Простите.

— За что?

— Формулировка.

— Я переживу.

— Не обязательно демонстрировать это как профессиональную компетенцию.

Варрен посмотрел на меня.

— Я и не демонстрирую.

Что-то в его голосе заставило меня замолчать.

Он первым отвёл взгляд.

— Через двадцать два дня у меня Сброс, — сказал он. — Если вещество действительно меняет маршрут, мне нужно знать, что оно сделает с моей картой.

— У вас уже есть карта?

— Черновая.

— Кто составлял?

— Никто.

Я нахмурилась.

— Это невозможно.

— Я составлял сам.

— Вы не проводник.

— Я умею читать протоколы.

— А я умею читать медицинский справочник. Это не значит, что стану удалять себе желчный пузырь.

— У драконов нет желчного пузыря в человеческом состоянии.

Я несколько секунд смотрела на него.

— Вы сейчас серьёзно?

— Нет.

Я устало потёрла лоб.

— Хорошо. Покажите карту.

— Нет.

Ответ прозвучал сразу.

— Тогда вам нужен другой специалист.

— Я не нанимаю вас проводником.

— Если хотите понять влияние вещества, мне необходимо

хотя бы знать архитектуру маршрута.

— Архитектуру получите.

— Без личных якорей?

— Да.

— Это половина данных.

— Это данные, необходимые для задачи.

— Решать, что мне необходимо, буду я.

— Решать, что находится в моей голове, буду я.

Мы замолчали.

Вот теперь я окончательно поняла, почему этот человек пришёл без проводника за двадцать два дня до Сброса.

Дело было не в отсутствии кандидатов.

Он не хотел никого пускать.

Вообще.

— Вы боитесь сна, — сказала я.

Его лицо не изменилось.

— Все драконы боятся Сброса.

— Не одинаково.

— И как боюсь я?

— Вы контролируете каждый выход из комнаты. Готовите еду сами. Проверяете кровь ежемесячно. Не позволяете проводнику увидеть карту. Даже сидите так, чтобы никто не оказался у вас за спиной.

Варрен посмотрел на дверь.

Потом на меня.

— Вы наблюдательны.

— Это моя работа.

— И какой вывод?

— Вам страшнее потерять контроль, чем умереть.

Он долго молчал.

Я уже решила, что перешла границу.

Потом Варрен сказал:

— Мой младший брат не вернулся из Сброса.

Я не двинулась.

— Сколько лет назад?

— Девять.

— Вы были рядом?

— Да.

— Его карта разрушилась?

— Нет.

— Тогда что произошло?

— Не знаю.

Два слова.

Без украшений.

Без попытки вызвать сочувствие.

От этого они прозвучали тяжелее.

— Проводник?

— Погиб через несколько минут после того, как брат перестал отвечать.

— Как?

— Частичная трансформация. Брат успел ударить его до того, как врачи установили контур.

Я почувствовала, как холодеют пальцы.

— И после этого вы не доверяете проводникам.

— После этого я не доверяю ситуациям, в которых один человек получает слишком много власти над тем, вернётся ли другой.

Я медленно кивнула.

Это было понятно.

Не разумно.

Но понятно.

— Ваш брат остался драконом?

— Три дня.

Я знала, что означает ответ.

На четвёртый день необратимо потерявших человеческое сознание драконов уничтожали.

Не из жестокости.

Из необходимости.

Даже разумный дракон без человеческой части не мог жить в городе и соблюдать законы, которых больше не понимал.

— Мне жаль, — сказала я.

— Не нужно.

Я почувствовала раздражение.

— Это не просьба разрешить вам горевать.

Варрен посмотрел на меня.

— Я знаю.

— Тогда перестаньте отвечать так, будто любое челове-

ское участие — попытка залезть вам в голову.

— Вы только что профессионально описали мой страх за последние девять лет.

— И всё равно не собираюсь лечить характер.

— Рад слышать.

Я отодвинула папки.

— Я не возьмусь.

Он не спросил почему.

Не предложил больше денег.

Просто сказал:

— Хорошо.

Это разозлило неожиданно сильно.

— Вы вообще собираетесь меня убеждать?

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы сказали нет.

Ответ был настолько простой, что я несколько секунд не нашлась.

Эйдар бы спорил.

Объяснял, почему я неправильно оцениваю ситуацию.

Напоминал, что мне всё равно интересно.

Возможно, даже говорил бы, что знает меня лучше.

Варрен просто принял отказ.

Я ненавидела, насколько сильно это заметила.

— Тогда зачем дали мне архивный ключ?

— Потому что вы уже увидели достаточно, чтобы Палате

было полезно получить письменное заключение.

— Бесплатно?

— Нет. За консультацию заплатим.

— А расследование?

— Найду другого специалиста.

— Кого?

— Пока не знаю.

— Другого проводника?

— Вероятно.

— Который будет работать с картой, не зная вашей личной структуры?

— Если потребуется.

Я смотрела на три папки.

На дочь, которая стала для отца незнакомкой.

На человека, забывшего собственное преступление.

На мужчину, помнившего девять лет жизни с любимым человеком и не чувствовавшего к нему ничего.

Потом на анализ Варрена.

Почти одинаковая концентрация вещества с разницей более чем в две недели.

— Вы сказали, что маркер появился после закрытого осмотра Совета.

— Да.

— И других путей введения не нашли.

— Пока.

— Если я соглашусь, мне нужен полный доступ.

— К чему?

— Ко всему, что связано с тремя случаями. Медицинские материалы. Карты. Показания врачей. Поставки препарата. Разрешение на разговор с пострадавшими.

— Возможно.

— Нет. Невозможно.

Он слегка поднял бровь.

— Продолжайте.

— Я сама определяю, какие профессиональные данные необходимы. Вы не скрываете информацию только потому, что она вам неприятна. Если считаете документ государственно опасным, говорите, что он существует и почему я его не вижу. Не подсовываете мне половину картины.

— Ещё?

— Я не ваш проводник.

— Это мы установили.

— И не стану им в процессе.

— Хорошо.

— Я не отвечаю за ваш Сброс.

— Хорошо.

— Если выясню, что продолжение работы создаёт риск для моих клиентов или лицензии, ухожу.

— С уведомлением.

— С объяснением.

— Принимается.

Я посмотрела на него.

— Вы слишком легко соглашаетесь.

— Вы ещё не назвали ничего неразумного.

— Удивительно.

— Что именно?

— Я ожидала, что руководитель государственной Палаты окажется большим мерзавцем.

— День ещё не закончен.

Я невольно усмехнулась.

Потом сразу посерьёзнела.

— И последнее.

— Слушаю.

— Никакой тройной ставки за срочность.

— Я её не предлагал.

— Именно.

Он прищурился.

— Вы сейчас возмущены тем, что я не попытался вас перекупить?

— Нет. Проверяю.

— Что?

— Насколько быстро вы решите, что мои принципы можно заменить суммой.

— И?

— Пока разочаровывающе прилично.

— Постараюсь исправиться.

Я взяла чистый договор.

— Стандартная ставка консультанта Палаты?

Он назвал сумму.

Она была выше моей обычной оплаты за консультации.

Но не абсурдно.

— Хорошо.

Варрен некоторое время смотрел, как я заполняю первую строку.

— Почему передумали?

Я не подняла головы.

— Не из-за вас.

— Это я предполагал.

— И не из-за денег.

— Тоже.

Я закончила писать своё имя.

Сайла Роэн.

Чернила легли ровно.

— Потому что в вашем анализе есть вещь, которой быть не должно.

— Само вещество?

— Нет.

Я повернула к нему два заключения.

— Вот первый образец.

Потом второй.

— Разница восемнадцать дней. Концентрация почти одинаковая.

Он отметил обе даты в своём листе.

— Это уже обсуждали.

— Но есть ещё одна проблема. Летариновый маркер, который нашли у вас, не просто продукт распада. Он появляется только после контакта препарата с активной драконьей кровью.

— Я не понимаю разницы.

— Для человека обычный «Летар» распадается одним путём. Для дракона вблизи Сброса — другим.

— До моего Сброса тогда оставалось больше месяца.

— Именно.

Варрен медленно выпрямился.

Я постукала пальцем по анализу.

— Ваш организм не должен был производить этот маркер так рано.

— Значит, анализ ошибочный?

— Дважды?

— Тогда что?

Я посмотрела на него.

— Либо ваш Сброс начал меняться значительно раньше срока.

— Я бы почувствовал.

— Вероятно.

— А другой вариант?

— Вам ввели не тот «Летар», который официально существует.

Варрен перестал шутить.

— То есть?

— Кто-то изменил препарат.

— Зачем?

— Не знаю.

— И три других случая?

— Возможно, получили ту же изменённую форму.

— Возможно?

— Мне нужны их анализы крови до и после Сброса.

— Получите.

Я подписала договор.

Подвинула ему.

Варрен прочитал каждую строку.

Не пробежал глазами.

Именно прочитал.

Потом поставил подпись.

— Теперь вы консультант расследования.

— Звучит хуже, чем я рассчитывала.

— Отказаться ещё можно.

Я посмотрела на него.

— Нет.

Он забрал один экземпляр договора.

— Тогда в Палату?

— Сейчас?

— Вы хотели полный доступ.

— Хотела.

— Архив открыт до восьми.

Я посмотрела на часы.

Было девять утра.

— У вас есть привычка делать всё немедленно?

— Нет.

— Опять удивительно.

— Иногда сплю.

— Судя по вашим рассказам, плохо.

Он надел перчатки.

— Идёмте, госпожа Роэн.

Палата происшествий Ночного Сброса занимала старое каменное здание у западной стены столицы.

Я бывала там раньше.

Не как обвиняемая и не как консультант.

Проводники обязаны были сообщать в Палату о любом Сбросе, закончившемся смертью, необратимой трансформацией или серьёзным нарушением памяти.

Обычно это означало несколько часов неприятных вопросов.

Варрен провёл меня через боковой вход.

Никто не остановил.

Люди узнавали его ещё до того, как он показывал знак.

Не кланялись.

Просто расступались.

На третьем этаже мы вошли в архивную комнату.

Женщина за столом подняла глаза.

— Сольт.

— И вам доброе утро, Лаэр.

Она посмотрела на меня.

Узнала.

Конечно.

За последние два дня меня, вероятно, узнавал даже уличный торговец капустой.

Но ничего о разводе не сказала.

— Госпожа Роэн?

— Да.

— Проводник?

— Иногда.

Варрен положил договор.

— Временный консультант по делу трёх ранних выходов.

Лаэр пробежала глазами страницу.

— Полный доступ?

— В пределах дела.

— Карты?

— Да.

Она посмотрела на него ещё раз.

— Ты уверен?

— Нет.

— Хорошее начало.

Мне она понравилась.

Через десять минут передо мной лежало столько документов, что вчерашние три папки показались рекламными листовками.

Полные медицинские журналы.

Копии карт.

Показания проводников.

Регистрационные документы «Летара».

Списки препаратов.

Результаты крови.

Я начала с Иарана Весса.

До Сброса — чисто.

Через шесть часов после первой дозы «Летара» — ожидаемый маркер.

Через сутки — снижение.

После Сброса...

Я остановилась.

— Варрен.

Он стоял у соседнего шкафа.

Подошёл.

— Что?

Я показала строку.

— Смотрите.

— Концентрация выросла.

— Да.

— После Сброса.

— Да.

Он нахмурился.

— Это возможно?

— Для обычного препарата — нет.

Я открыла анализ Корвена.

То же самое.

У Тессара — тоже.

Не одинаковые цифры.

Но одна закономерность.

Перед Ночным Сбросом количество маркера падало.

После выхода резко поднималось.

Как будто вещество не выводилось.

Как будто оно ждало.

Я почувствовала неприятный холод вдоль позвоночника.

— Он активируется внутри лабиринта, — сказала я.

Варрен не ответил.

— Или при переходе к драконьему состоянию, — добавила я. — Но до Сброса препарат почти ничего не делает.

— А потом?

Я посмотрела на карты.

— Потом меняет дорогу.

До вечера мы просмотрели все три случая.

В семь у меня болели глаза.

В половине восьмого Лаэр принесла чай.

Варрен отказался.

Я спросила:

— Боишься отравления?

Он посмотрел на чашку.

— Это чай Лаэр.

— И?

— Она пьёт его сама.

Лаэр из-за стола сказала:

— После восьми лет работы со мной это самое близкое к признанию в любви, на что он способен.

Варрен никак не отреагировал.

Я впервые за день рассмеялась по-настоящему.

Он посмотрел на меня.

И на одно короткое мгновение я забыла о трёх людях с повреждённой памятью.

О разводе.

О Мериссе.

О том, что передо мной дракон, чей следующий Сброс уже отсчитывал двадцать два дня.

Потом Варрен отвёл взгляд к документам.

— Нашли что-нибудь ещё?

Я вернулась к работе.

— Пока одно.

— Что?

— Все три карты составлены правильно.

— Вы уверены?

— Да.

— Значит, проводники не виноваты.

— В том, что произошло, вероятно, нет.

— А препарат?

Я посмотрела на три схемы.

Разные цвета.

Разные почерки.

Разные маршруты.

— Пока единственное, что их связывает.

Варрен опёрся ладонями о стол.

— Тогда завтра начнём с «Энтар-Мед».

Я покачала головой.

— Нет.

— Почему?

— Сначала поговорим с пострадавшими.

— Зачем? Их уже допрашивали.

— Следователи спрашивали, что они помнят после Сбро-
са.

— А вы?

— Я хочу узнать, чего они не нашли внутри него.

Варрен замолчал.

Потом кивнул.

— Весс согласится.

— Откуда знаете?

— Его дочь каждый день пишет в Палату.

Я закрыла папку.

— Тогда начнём с неё.

— С Иарана.

— Нет.

— Почему?

— Потому что он не помнит дочь.

— Именно.

— А дочь помнит его.

Варрен смотрел на меня несколько секунд.

— Хорошо.

Я поднялась.

— На сегодня всё.

— Я отвезу вас.

— Нет.

— Уже темно.

— Я умею пользоваться наёмной каретой.

— Я не сомневался.

Я собрала свои записи.

— Тогда зачем предложили?

— Вежливость.

— Вы плохо её изображаете.

— Мне говорили.

У выхода Варрен остановился.

— Госпожа Роэн.

— Да?

— Вы сегодня дважды сказали, что вещество не должно было оказаться в моей крови.

— Так и есть.

— Но в конце согласились работать не поэтому.

Я нахмурилась.

— А почему, по-вашему?

— Потому что вам стало интересно.

Я уже собиралась возразить.

Не смогла.

Он слегка кивнул, будто получил ответ.

— Доброй ночи.

— Варрен.

Он обернулся.

Я впервые назвала его по имени.

Не потому, что мы стали ближе.

Просто устала говорить «господин Сольт».

— Не проходите до завтра никаких медицинских процедур.

— Не собирался.

— Никаких инъекций.

— Хорошо.

— И если снова проснётесь в три часа, запишите всё, что почувствуете.

— Даже если ничего не вспомню?

— Особенно тогда.

Я пошла к лестнице.

— Сайла.

Теперь остановилась я.

— Что?

Варрен стоял у двери архива.

— Я не прошу вас вести меня.

— Я помню.

— И не попрошу.

Его голос был спокойным.

Без вызова.

Без попытки убедить.

Но я поняла, зачем он повторил.

Чтобы граница существовала не только в моих правилах.

Он тоже её поставил.

— Хорошо, — сказала я.

Варрен задержал взгляд на секунду.

— Я прошу выяснить, кто уже вошёл в мой сон без разрешения.

На этот раз его слова прозвучали иначе.

Вчера это было приглашение к расследованию.

Сегодня — описание преступления.

Я посмотрела на человека, который не хотел засыпать, потому что однажды уже видел, чем заканчивается неправильный путь домой.

— Выясним, — ответила я.

И только спустившись на первый этаж, поняла, что сказала не «попытаемся», а «выясним».

ГЛАВА 3. Память не лжёт, лжёт карта

Алисса Весс пришла в Палату раньше нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.